

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.128.80>

ПУБЛИЦИСТИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ: ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЗАКРЫТОГО ОБЩЕСТВА (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Научная статья

Меринов В.Ю.^{1,*}

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (merinov[at]bsu.edu.ru)

Аннотация

Статья посвящена теоретическому обоснованию вопроса отражения в публицистических (журналистских) текстах социально-политических идеалов различных типов обществ, в том числе общества закрытого типа. Чтобы выявить эти идеалы, автор посчитал нужным уточнить параметры закрытого общества, создав его социально-политическую идеальную модель, дав перед этим краткое обоснование метода идеального моделирования, его назначения. Построенная идеальная модель призвана не только реконструировать особенности закрытого общества (устройство и функционирование институтов власти, права, экономики, финансовой системы, роль «тотальных» структур), но и обнаружить самую природу закрытой политической системы, воссоздаваемую в публицистике и журналистике. По мнению автора, сущностными чертами закрытого общества являются неравенство, а также ограничение свободы выбора. Автор убежден, что выявленные в статье элементы и связи между ними позволят задать научно обоснованную систему координат для анализа публицистических (журналистских) текстов.

Ключевые слова: публицистика, журналистика, социально-политические идеалы, закрытое общество, идеальная модель.

PUBLICISM THROUGH THE LENS OF SOCIO-POLITICAL IDEALS: THE IDEAL MODEL OF A CLOSED SOCIETY (INSTITUTIONAL ASPECT)

Research article

Merinov V.Y.^{1,*}

¹ Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

* Corresponding author (merinov[at]bsu.edu.ru)

Abstract

The article is dedicated to theoretical substantiation of the issue of reflection of socio-political ideals in publicistic (journalistic) texts of different types of societies, including the closed one. In order to identify these ideals, the author considered it necessary to clarify the parameters of a closed society, creating its socio-political ideal model, giving a brief justification of the ideal modelling method and its purpose. The constructed ideal model is designed not only to reconstruct the specifics of closed society (structure and functioning of institutions of power, law, economy, financial system, the role of "total" structures), but also to identify the very nature of closed political system, reconstructed in publicism and journalism. According to the author, the essential traits of a closed society are inequality, as well as restrictions on freedom of choice. The author is convinced that the elements identified in the article and the connections between them will make it possible to set a scientifically valid system of coordinates for the analysis of publicistic (journalistic) texts.

Keywords: publicism, journalism, socio-political ideals, closed society, ideal model.

Введение

Публицистика – сложный и многогранный феномен. Её можно рассматривать с различных позиций: лингвистической, исторической, идеологической, дискурсивной, функциональной и т.д. Отражая общественные и политические процессы, публицистика, как и, в целом, журналистика, сама является активным социальным актором, участником общественных споров, даже баталий. Эта активность проявляется и в особом взгляде на проблему, и в способах его донесения, яркости и оригинальности стиля, и в уровне компетентности автора в рассматриваемых вопросах. Безусловно то, что публицистика является инструментом, в том числе, научного исследования общества. Как утверждает М.С. Черепанов, «публицистика находится в непосредственном родстве с наукой» [11, С. 37]. Однако, следует учитывать и то, что и сама наука об обществе часто бывает связана с идеологическими и политическим приоритетами эпохи, и в этом своем качестве вместе с публицистикой выступает инструментом формирования массового политического сознания. Вполне справедливо высказывание того же М.С. Черепанова, что «... любая тема, проблема — философская, морально-этическая, экономическая — получает в публицистике политическое осмысление» [11, С. 29]. В то же время, само понятие «политическое осмысление», нуждается, на наш взгляд, в некотором уточнении. Безусловно то, что «генеральная» функция политической публицистики состоит в том, чтобы «... описывать и комментировать текущие политические процессы, при этом вскрывая противоречия политической реальности и указывая на угрозы и неблагоприятные последствия политических решений в экономической и социальной сферах» [3, С. 171]. При этом формы рецепции политического сознания в публицистическом тексте могут иметь как открытый (открытого выражения авторской позиции), так и скрытый или редуцированный характер. Если это так, то политическое послание может содержать не только собственно политическая публицистика, остроактуальная, погруженная в настоящую политическую борьбу, но и другие жанры, такие, к примеру, как очерково-

мемуарная, очерково-биографическая, путевой очерк, историко-публицистическое исследование, историософское эссе, различного рода футуристические проекты и т.д. То есть представляется возможным расширить область филолого-политического исследования публицистики за счёт привлечения к ней жанров, традиционно не имеющих непосредственного отношения к политической публицистике.

Рассмотрим концепт «политическое осмысление» с содержательной точки зрения. Конечно, на полном основании оно может включать в себя такие элементы политического сознания как идеология, приверженность позициям конкретной политической силы, это может быть политическая партия или политическое движение, или не вполне осознаваемые самим публицистом политические пристрастия. Всё это предполагает более или менее системный характер этих взглядов. При этом, сам уровень систематизации, если его брать с перечисленных выше позиций, кажется нам недостаточным для выявления фундаментальных политических ценностей, или идеалов, проявляемых в публицистике, при нахождении которых многие противоречия покажутся поверхностными и несущественными, а публицисты с внешне противоположными взглядами окажутся в этом измерении чуть ли не единомышленниками. Как говорил Поэт «бывают странные сближенья».

Этот уровень систематизации давно опробован в социо-гуманитарных науках, от Платона и Аристотеля и мыслителей эпохи Просвещения, Дж. Локка и Ш. Монтескье, до наших современников, Дугласа Норта и Роберта Даля. Речь идет о бинарном подходе к классификации общественных систем и, соответственно, политических ценностей, при котором типологизируются две группы обществ, наделенных различными, точнее, противоположными качествами. Возможно наибольший авторитет, или, во всяком случае, известность получила типология Карла Поппера, назвавшего эти общества, в книге «Открытое общество и его враги» (1945), обществами «открытого» и «закрытого» типа. Мы полагаем, что данный подход обнаруживает свою продуктивность не только при политическом анализе сообществ, но и при анализе политических картин мира, воссоздаваемых в публицистике. Так или иначе, социально-политические представления публициста фокусируются вокруг одного из, как назвал из А.А. Ивин, «полюсов» общественного развития [4], или «типов общественного сознания», с архаичными или современными моделями «взаимодействия народа и властей предрержащих» [7, С. 147]. В центре этих систем взглядов находятся представления о наилучшем общественном строе, политическом режиме, способах управления, значимых политических акторах, роли и месте общества и человека в политических процессах, типах «правильного» (и отвергаемого) социального поведения и т.д. Это, условно говоря, код, который можно извлечь даже из достаточно политически не маркируемого сочинения.

В роли предварительного методологического инструментария мы выбираем конструирование идеальной модели объекта. Идеальное моделирование – широко применяемый метод в различных науках (социология, политология, педагогика, психология, экономика и т.д.). В конечном счете, им пользуется каждый человек и в быту, возводя частные, конкретные предметы или явления к неким идеальным образцам, существующим в сознании. В науке метод прочно связан с именем Макса Вебера, предложившего его для исследования социальных групп. Некий социальный феномен, к примеру «бюрократия», «вырывается» из своей эпохи и подвергается целостному системному анализу. То есть исследуются типы отношений, логика устойчивых связей между элементами вне зависимости от конкретных проявлений, определенного историко-культурного хронотопа. Действительно, в определённом смысле, она представляет собой отвлеченную от реальности конструкцию, «... такой тип не существует в чистом виде...» [8]. Тем не менее сам процесс конструирования очевидным образом опирается и на опыт самого автора, и на научное знание о подобном типе феноменах. Модель – своего рода полюс (объединяет предельные черты), служит неким масштабом (онтологическим образцом) для измерения реальности, это не цель исследования, это – инструмент познания, в том числе взглядов и пристрастий автора публицистического текста.

Идеальная модель закрытого общества: основные черты

1. Концентрация и монополизация власти

Закрытое общество представляет собой политическую систему, в которой властные управленческие ресурсы и полномочия сконцентрированы в одной точке и монополизированы одной политической силой.

2. Неравенство как основной принцип существования закрытого общества

Закрытое общество предполагает существование устойчивых групп людей, поставленных по отношению к другим группам в привилегированное положение: политическое правовое, экономическое. То есть отдельные группы, являющимися более ценными для общества, чем другие.

3. Непубличный характер осуществления власти, закрытость элиты

Важным отличительным признаком закрытого общества является резкое разделение политической деятельности на публичную и скрытую части. Причем реальная власть осуществляется чаще всего именно скрытно от широкой публики, отчужденной от самой власти и сферы влияния и принятия решений.

4. Политическая персонификация, институты личной власти, политическая коррупция

Для закрытого общества характерна архаизация управления, то есть, ситуация, при которой государственные институты, призванные в современных государствах быть нейтральными, подчиняться абстрактным правилам, трансформируются в институты личной власти.

5. Тотальные структуры. Милитарный (тотальный) коллектив

Закрытое общество – порядок, организуемый сверху-вниз, по образцу бюрократического или военного («тотального» (М. Фуко) подразделения. Военно-бюрократическая матрица вертикальной ответственности и подчинения не только оформляет внешний каркас закрытого общества, но и воспроизводится внутри социальных элементов системы.

6. Особая роль спецслужб

В закрытом обществе чрезвычайно расширено понятия «безопасность», «угроза» и связанные с ними смысловые дериваты. Поэтому большое внимание уделяется развитию и совершенствованию, расширению полномочий аппарата

насилия, больших силовых корпораций (спецслужбы, тайная политическая полиция), подконтрольных правящей элите.

7. Бюрократизация политического и гражданского пространства

Важной чертой закрытого общества является полное доминирование власти над рядовыми жителями. Лишаясь автономии и субъектности, переходя под полный контроль одного центра силы, социально-политические институты, организации и объединения, как правило, представляют собой симулякры автохтонных общественных и государственных структур, пародирующие деятельность независимых организаций. Известная исследовательница тоталитаризма Ханна Арендт, называла подобные организации «фасадными», чья функция состоит в придании «респектабельности» и «видимости нормальности» политическому режиму данного типа (в частности, тоталитарному) [2, С. 482]. Однако простой имитацией дело не ограничивается, так как эти организации превращаются в свою противоположность, являя собой «превращенные институты» [6, С. 97]. То есть кардинально, принципиально меняют свою социально-политическую и нравственную природу.

8. Неправовое право

Неравенство в закрытом обществе закрепляется, в том числе в правовой сфере. Неправовой характер общества раскрывается в нескольких аспектах.

8.1. Отсутствие верховенства права, избирательное правоприменение (правовой произвол)

В закрытом обществе получают распространение неформальные властные отношения (так сказать поверх законов, которые, сами по себе, могут иметь вполне цивилизованный вид), нарушающие как собственное законодательство, так и международно-правовые нормы.

8.2. Неправовое нормотворчество

Неправовое нормотворчество в закрытом обществе включает в себя различные формы злоупотребления правом, легитимирующие неравенство и произвол. Среди наиболее вероятных выделяются:

Во-первых, разработка и принятие намеренно расплывчатых правовых формулировок.

Во-вторых, в современном обществе, само понятие «право» оказывается тесно связанным с естественно правовой парадигмой осмысления этого феномена и правами человека и гражданина. Неправовыми действиями можно признать создание и применение безнравственных, неправовых нормативных актов, противоречащих формальным принципам справедливости и равенства граждан и групп, принятым в современном обществе, «... когда к справедливости даже не стремятся, когда равенство, составляющее ее основу, сознательно отрицается в правотворческом процессе, тогда закон не является лишь «... «несправедливым правом», но даже более того – он является неправовым по своей природе» [9, С. 234].

9. Экономический порядок и финансовая система закрытого общества

В сфере экономики закрытые системы уповают на решающее значение государства. Государство проявляет себя как главный экономический игрок:

- 1) так, оно может выступать как основной работодатель;
- 2) государство расширяет свое влияние на сферу производства;
- 3) закрытое общество видит опасность в излишне самостоятельных и обладающих ресурсами структурах, таких, к примеру, как частный бизнес и частная собственность;
- 4) как правило, закрытое общество (в классическом виде, описанном Платоном в своем «Государстве»), тяготеет к промышленной и финансовой автаркии, созданию замкнутых циклов производства в государстве;
- 5) особенностями закрытого общества в финансовой сфере являются: концентрация финансовых ресурсов в центре, контроль и распределение денежных потоков из центра в регионы, а также контролируемость частных банков и создание государственных банков-монополий, и, кроме того, подчинение (фактическое и/или юридическое) Центрального банка правительству.

Практическая часть

Наша работа имеет преимущественно теоретико-методологический характер. Тем не менее в качестве иллюстрирующего наши тезисы материала, мы хотели бы привести работы таких видных публицистов и историков как А.И. Фурсов и В.В. Аверьянов. Для авторов весьма характерно утверждение идеалов закрытого общества через обращение к средневековому историческому контексту, в частности, ко временам и фигуре Ивана Грозного. Так, в исторической публицистике В.В. Аверьянова одиозная личность Грозного, а также историческая память о нем рассмотрены, в том числе через дискурс гуманности, как важной черты личности самодержца, и дискурс разоблачения «клеветников». Человеколюбие Ивана IV, по мнению публициста, проявляется в том, что «гуманный правитель», обладая невероятным терпением, в отношении своих зарвавшихся в своеволии и измене подданных, «терпеливо ожидал исправления «крамольников». Бояре «... были прощены не один, а два или три раза, прежде чем их казнили... Большинство казенных опричниками бояр уже бывали прощены по тем или иным существенным обвинениям» [1, С. 138-139]. После казней, представленных как вынужденная и необходимая ради укрепления государственности, мера, читателю демонстрируется глубина искренних переживаний, даже страданий царя. Так реализуется стратегия переноса внимания читателя с мучений и судьбы жертв, названных «рецидивистами», на личность палача, получающую дополнительную глубину, объемность и человечность. Другим мерилем гуманности становятся западные короли, современники русского царя (Карл IX и события Варфоломеевской ночи). На фоне их кровавых преступлений, поступки Ивана Грозного выглядят, во-первых, более осмысленными и даже благородными, направленными, в отличие от своих жестокосердных западных коллег, на общественное благо, строительство великого единого государства, во-вторых, совершаются вполне в духе своего времени, не слишком озабоченного человеческой жизнью как таковой.

Еще одной стратегией внедрения ценностей закрытого общества является представление русского правителя в качестве потерпевшего от различного рода недоброжелателей. Так, жертвы бессудных расправ московского властителя

(в частности, бояре) дискредитируются, подаются как коварные «заговорщики», активно, но при этом тайно, сопротивляющиеся прогрессивным преобразованиям «царя-революционера», более того, напрямую связанные с откровенными врагами русского царства (Литвой). Здесь главным объектом авторского разоблачения становится князь-изменщик Андрей Курбский. Царь, таким образом, оказывается едва ли ни единственным полномочным защитником Родины и главным её патриотом. Самодержавно-тиранический характер управления государством рождается как бы естественным образом, из необходимости сословных ограничений родовой аристократии, корыстолюбивой, разнузданной, развращенной и неблагодарной, имеет очевидный моральный оттенок нравственного очищения всего русского общества от пороков. Само существование России связывается с идеей вертикально интегрированного органического, самодержавного, единого государства, направленного к общей цели – построению самобытной, особенной, не похожей на западные образцы и морально (и в военном смысле) их превосходящей, державы (используются также и понятия, призванные обозначить уникальное место её в истории человеческого сообщества, придать особую значимость, и даже оттенок исключительности: «цивилизация», «цивилизация-материк»).

Еще одной важной стратегией утверждения социально-политических идеалов закрытого общества является конструирование экзистенциального (вечного, морального) конфликта между Россией и Западом, чрезвычайно опасным и столь же коварным и развращенным. Так, критики политики репрессий против собственных граждан как таковой и тирании Грозного, в частности, связываются в единый хронологически выстроенный, демонстрирующий историческую глубину и природные отличия двух миров, ряд недругов России, рассматриваемых через дегуманизирующие дискурсы: средневековых (бояре, «новгородские заговорщики», А.М. Курбский, М. Салтыков и Ливония, Швеция, Литва, Польша и т.д.), XIX века (В.О. Ключевский, отчасти Н.М. Карамзин), недалекого прошлого (А. Власов, «перестроечные разрушители», радио «Свобода») и наших современников (А. Янов, П. Лунгин, В. Сорокин и коллективный Запад).

Важным в стратегии легитимизации самой доктрины неправа и неправового насилия, на наш взгляд является, проводимая в работах Аверьянова и А.Н. Фурсова, идея дефицита исторического времени. Для этого дискурса весьма характерно моделирование геополитического соревнования, ставкой в которой является само существование России. Главным соперником является Запад, стремительно обходящий российское государство на историческом повороте, и грозящий ему уничтожением. Сценарий, не оставляет России шансов на выживание, при равном, с элементами демократии и права, развитии. Положение России до начала «реформаторской» деятельности монарха описывается в крайне мрачных тонах. Основной зоной критики являются моральный облик элиты (констатация нравственного разложения и страдающего от этого простого народа), ситуация с управляемостью государства и положение в военной области (коррупция и вопиющий непрофессионализм). Выстраивание и обращение к правовым институтам (или апелляция к правовым понятиям), в ситуации всеобщей катастрофы, обрушения, выглядит по меньшей мере неуместно, и в моделируемой картине мира равносильно преступлению, ведь Россию, как высшую ценность, нужно немедленно вытаскивать из пропасти, куда она попала по воле её недругов, а для этого все средства хороши. Самыми же эффективными признаются быстрые внесудебные расправы с неугодными, решительно выправляющие, по мнению авторов, ситуацию в пользу России. При этом используются различного рода эвфемизмы, как способы обхода реальности, например, «хирургические методы», «преграды», «реформы», «революция» и т.п., замещающие объективную лексику (пытки, казни, насилие, убийства, грабежи и т.п.). Таким образом правитель-убийца предстает носителем морального идеала справедливости, связанного с идеей возмездия за грехи, восходящего, в конечном итоге к фигуре ветхозаветного Бога, Бога Апокалипсиса и Страшного суда, грозного «отмстителя беззаконным», «делающих злое» (Св. ап. Павел). При этом связи концепции монарха-революционера, реализующего масштабный проект, и государства – активного конструктора практически всех общественных отношений, относят нас не только к религиозно-мифологическим образам, но, на уровне государственного участия в жизни человека и общества, к политической практике XIX и XX века. Мы имеем в виду государство нового «народного» типа, в его национальном и тоталитарном вариантах.

Весьма показательна и общая направленность фокуса внимания публицистов, демонстрирующая их ценностные приоритеты. В его центре оказываются некие глобальные сущности (цивилизация, эпоха, революция и т.д.), а также личности их персонифицирующие, ломающие ход времени (лидеры, вожди). Судьба же «маленького человека», его положение (материально-бытовое, правовое, сословное и т.п.) находится на периферии интереса. Роль простого человека предельно сужена, несамостоятельна и функциональна – быть инструментом строительства великого царства, исполнителем воли всемогущего начальника.

Между тем, привлекательность квазитоталитарного проекта Грозного строится, в том числе на актуализации своеобразного авторитарного демократизма. Квазидемократический дискурс основывается на:

- 1) в критике института традиционной (сословной) аристократии;
- 2) критике богатства и расточительства;
- 3) идее внесословного равенства перед лицом высшего судьи;
- 4) всеобщего, включая самого вождя, участия в реализации некоего величественного Плана (концепция общего дела);
- 5) популистском антибюрократическом пафосе;
- 6) праве различных социальных групп, включая самые низы, в той или иной роли, участвовать в расправах над представителями как высших слоёв общества, так и себе подобных и т.д.

Последняя черта становится особенно притягательной для рассматриваемых авторов. Участие «демократических» низов в политической жизни государства воплощает в себе опричное войско, причем не столько как локальное явление «В корпусе служили представители всех слоёв господствующего класса – князья, бояре, дети боярские (дворяне). Вступление в опричники снимало «ранговые» различия» [10], сколько, как постоянно востребованный в сложные исторические периоды, действующий «на грани легального и внезаконного, нередко — тайным способом» [10],

институт управления, «чрезвычайка» (А. Фурсов). Дискурс устрашения врагов, любование безнаказанностью и всемогуществом спецслужб как смертоносное и эффективное орудие лидера-реформатора, занимает важное место в рассматриваемых произведениях. То, что опричинна представляет собой институт личной власти и соединяет в себе функции суда, следствия и наказания, применяя террористические практики принуждения и запугивания («запугать, как говаривал уорреновский Вилли Старк, «чтобы их внуки в этот день описались, сами не зная почему») [10], не только не смущает публицистов, но, напротив, воодушевляет их. Они убеждены в правильности выбранного курса, ведь с помощью этих инструментов без бюрократической (т.е. судебной-правовой) волокиты удалось предотвратить моральную катастрофу, провести быстрый переход страны в новое, более совершенное, состояние, фактически, вытаскив её из исторического небытия (дискурс государственного возрождения). И ещё не раз на исторических переломах (петровская и большевистская революции), он, по мнению публицистов, доказывал свою высокую эффективность. Мы перечислили лишь некоторые из приемов, позволяющих авторам транслировать идеалы закрытого общества, закреплять в общественной памяти наиболее успешные, по их мнению, «... политические модели (тип политического режима, социально-политические образцы поведения и т.д.)» [5, С. 222]. Дальнейшая работа потребует уточнения характеристик закрытого сознания и расширения списка исследуемых авторов.

Заключение

В процессе работы над темой автор пришел к следующим заключениям:

- 1) политическое содержание могут включать в себя не только тексты, принятые относить к политической публицистике, но и более широкий круг жанров, в которых «политическое» представлено в редуцированном виде;
- 2) бинарный подход при выявлении характерных особенностей обществ был весьма востребован в истории науки и продолжает успешно использоваться в современных исследованиях;
- 3) идеальная модель общества может являться эффективным инструментом анализа как самих социальных систем, так и социально-политических картин мира авторов-публицистов;
- 4) социально-политическими идеалами закрытого общества, отражающими его природу, являются: социально-политическое и правовое неравенство, иерархия, командно-административное руководство, контроль верха над низом, принудительные инклюзивные и эксклюзивные социальные практики, недопуск граждан к принятию решений, распространение военно-бюрократических отношений и организаций.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Алекси Р. Существование прав человека / Р. Алекси // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2011. — 4. — с. 21-31.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт; пер. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева и др.; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. — М.: ЦентрКом, 1996. — 672 с.
3. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; пер., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
4. Веремеенко Ю.Н. Политическая публицистика и ее функции / Ю.Н. Веремеенко // 300 лет российской журналистике: Материалы науч.-практ. конф. (11 декабря 2002 года, С.-Петербург) / Под ред. Г.В. Жиркова. — СПб., 2003. — с. 167-177.
5. Денисов С.А. Избирательное правоприменение в административной правовой системе / С.А. Денисов // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках: материалы X научно-практической конференции Гуманитарного университета (г. Екатеринбург) 5-6 апреля 2007 года. — Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. 2007. — Т. 2: Правовая жизнь и правовые ценности: истоки, проблемы, перспективы. — с. 90-93.
6. Ивин А.А. Социальная философия: учебник для бакалавров / А.А. Ивин. — М.: Юрайт, 2015. — 510 с.
7. Кравченко А.А. Авторитаризм / А.А. Кравченко // Новая философская энциклопедия в 4 тт. — М.: Мысль, 2010. — Т. 1. — с. 47-48.
8. Меринов В.Ю. К вопросу использования определения «советская журналистика 1930-нач.1950-х гг.» в отечественной журналистской науке / В.Ю. Меринов // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2016. — 13(234). — Вып. 30. — с. 96-100.
9. Фон Мизес Л. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война / Л. фон Мизес; пер. К.Г. Пинскера; под ред. А.В. Куряева; комментарии В.В. Кизилова. — Челябинск: Социум, 2006. — 466 с.
10. Оболонский А.В. Человек и власть. Перекрестки российской истории / А.В. Оболонский. — М.: Академкнига, 2002. — 415 с.
11. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс. — URL: http://ecsocman.hse.ru/data/876/582/1217/2_2_1pars.pdf (дата обращения: 30.11.2022).
12. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер; пер. В.Н. Садовского. — М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. — Т. 1: Чары Платона. — 448 с.

13. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер; пер. В.Н. Садовского. — М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. — Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. — 448 с.
14. Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. — М.: Междунар. отнош., 2004. — 240 с.
15. Черепанов М.С. Проблемы теории публицистики / М.С. Черепанов. — М., 1971. — 191 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aleksii R. Sushhestvovanie prav cheloveka [Existence of human rights] / R. Aleksii // Izvestija vysshih uchebnykh zavedenij. Pravovedenie [News of higher educational institutions. Jurisprudence]. — 2011. — 4. — p. 21-31. [in Russian]
2. Arendt H. Istoki totalitarizma [The origins of totalitarianism] / H. Arendt; trans. by I.V. Borisova, Ju.A. Kimelev, A.D. Kovalev et al.; ed. by M.S. Kovaleva, D.M. Nosov. — М.: CentrKom, 1996. — 672 p. [in Russian]
3. Veber M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works] / M. Veber; trans., comp., general ed. and afterword by Ju.N. Davydov; preface P.P. Gajdenko. — М.: Progress, 1990. — 808 p. [in Russian]
4. Veremeenko Ju.N. Politicheskaja publicistika i ee funkcii [Political journalism and its functions] / Ju.N. Veremeenko // 300 let rossijskoj zhurnalistike [300 years of Russian journalism]: Materials of scientific and practical. conf. (December 11, 2002, St. Petersburg) / Ed. by G.V. Zhirkov. — SPb., 2003. — p. 167-177. [in Russian]
5. Denisov S.A. Izbiratel'noe pravoprimerenie v administrativnoj pravovoj sisteme [Selective Law Enforcement in the Administrative Legal System] / S.A. Denisov // Chelovecheskaja zhizn': cennosti povsednevnosti v sociokul'turnykh programmakh i praktikah [Human Life: Daily Values in Sociocultural Programs and Practices]: proceedings of the X Scientific and Practical Conference of the Humanitarian University (Yekaterinburg) April 5-6. — Yekaterinburg: Humanitarian University. 2007. — Vol. 2: Legal life and legal values: origins, problems, prospects. — p. 90-93. [in Russian]
6. Ivin A.A. Social'naja filosofija [Social philosophy]: a textbook for bachelors / A.A. Ivin. — М.: Yurayt, 2015. — 510 p. [in Russian]
7. Kravchenko A.A. Avtoritarizm [Authoritarianism] / A.A. Kravchenko // Novaja filosofskaja jenciklopedija v 4 tt [New Philosophical Encyclopedia in 4 vols]. — М.: Mysl', 2010. — Vol. 1. — p. 47-48. [in Russian]
8. Merinov V.Ju. K voprosu ispol'zovaniya opredeleniya «sovetskaja zhurnalistika 1930-nach.1950-h gg.» v otechestvennoj zhurnalistskoj nauke [On the issue of using the definition "Soviet journalism of the 1930s-early 1950s" in domestic journalism science] / V.Ju. Merinov // Nauchnye vedomosti BelGU. Serija Gumanitarnye nauki [Scientific Bulletin of BelSU. Series Humanities]. — 2016. — 13(234). — Iss. 30. — p. 96-100. [in Russian]
9. Fon Mizes L. Vsemogushhee pravitel'stvo: Total'noe gosudarstvo i total'naja vojna [Almighty Government: Total State and Total War] / L. fon Mizes; trans. by K.G. Pinsker; ed. by A.V. Kurjaev; comments by V.V. Kizilov. — Cheljabinsk: Socium, 2006. — 466 p. [in Russian]
10. Obolonskij A.V. Chelovek i vlast'. Perekrjostki rossijskoj istorii [Man and power. Crossroads of Russian history] / A.V. Obolonskij. — М.: Akademkniga, 2002. — 415 p. [in Russian]
11. Parsons T. Ponjatie obshhestva: komponenty i ih vzaimootnosheniya [The concept of society: components and their relationships] / T. Parsons. — URL: http://ecsocman.hse.ru/data/876/582/1217/2_2_1pars.pdf (accessed: 30.11.2022). [in Russian]
12. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vrugi [Chary Platona The open society and its enemies] / K. Popper; trans. by V.N. Sadovskiy. — М.: Feniks: Kul'turnaja iniciativa, 1992. — Vol. 1: Spells of Platon. — 448 p. [in Russian]
13. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vrugi [The open society and its enemies] / K. Popper; trans. by V.N. Sadovskiy. — М.: Feniks: Kul'turnaja iniciativa, 1992. — Vol. 2: The time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles. — 448 p. [in Russian]
14. Radbruh G. Filosofija prava [Philosophy of law] / G. Radbruh. — М.: Mezhdunar. otnosh., 2004. — 240 p. [in Russian]
15. Cherepachov M.S. Problemy teorii publicistiki [Problems of the theory of journalism] / M.S. Cherepachov. — М., 1971. — 191 p. [in Russian]